

Л. Н. Синякова, Я. О. Козлова (Чванова)

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

scholast@ngs.ru; yana-mufka@yandex.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ (ЖАНР СВЯТОЧНОГО РАССКАЗА)

Рассматривается связь календарной прозы с фольклором, выявляются критерии, по которым становится возможным различение обрядовых и календарных текстов (сюжет, календарная приуроченность, эмоциональная составляющая, целевая аудитория, нарратор). Определяются жанры былички (суеверный меморат) и бывальщины (суеверный фабулат) с последующим их разграничением. Выявляются особенности бытования повествовательных календарных текстов, а также подробным образом изучается процесс становления и дальнейшие модификации жанра святочного рассказа. Оформление жанра литературного святочного рассказа напрямую связывается с русским романтизмом, который тяготел к своим историческим корням, проявлял интерес к славянской мифологии, в особенности к демонологии. Русские романтики активно обращались к подобному жанру, в их произведениях можно увидеть черты, присущие как устному, так и литературному жанру святочного рассказа. Приводятся критерии, по которым, собственно, и реализуется разграничение устного и литературного жанра святочного рассказа. На примерах рассказов А. А. Бестужева-Марлинского («Страшное гадание»), М. П. Погодина («Суженый»), А. А. Шаховского («Нечаянная свадьба»), написанных в первой трети XIX в., выявляется связь русского романтизма с фольклором, делается вывод о том, что устный и литературный святочные рассказы существовали в тесном симбиозе, последний заимствовал многие фольклорные черты, присущие устной календарной прозе.

Ключевые слова: быличка, бывальщина, русский романтизм, фольклор, святочный рассказ.

Жанр святочного рассказа, зародившийся еще в начале XIX в. в русле русского романтизма, а затем, с конца XIX в. вплоть до начала XX в. господствовавший в периодической печати в различных вариациях святочно-рождественского текста [Душечкина, 1995], неразрывно связан с фольклором [Зиновьев, 1987; Соколовы, 1999]. Именно в нем можно обнаружить сохранившиеся с глубокой древности комплексы народных верований и обычаев, которые представляют собой предмет изучения для историков и этнографов. Внимание к фольклору и его устным жанрам привлекает и литературоведов, особенно в последние десятилетия XX в. [Васильев, 1987; Померанцева, 1975; Разумова, 1993].

Между фольклорными жанрами и календарной словесностью существует тесная связь. Под термином «календарная словесность» мы понимаем произведения, обладающие определенным сюжетным наполнением, приуроченным к конкретному времени года или празднику.

Корпус календарной словесности составляли не только «поэтические» произведения (устные стихотворные или распевные произведения: песни, речевки, наговоры и т. д.), но и нарративные тексты, которые являются предметом нашего внимания. Календарные повествовательные тексты значительно отличались от обрядовых.

Синякова Л. Н., Козлова (Чванова) Я. О. Фольклорные истоки русской романтической прозы (жанр святочного рассказа) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 9: Филология. С. 193–200.

Во-первых, календарные повествовательные тексты могли рассказываться не только непосредственно в течение праздника, к которому был приурочен их сюжет. Во-вторых, в таких текстах говорилось либо о том, как раньше проводился тот или иной праздник (описывались старинные обряды, этикетные нормы, игры, праздничная еда), либо о том, что «бывало» в старое время. Любили передавать истории о таинственных случаях, происходивших либо с самим нарратором, либо с его знакомыми. Целью подобных историй было *обучить* неопытных слушателей, как себя вести в той или иной ситуации при столкновении с нечистой силой. В-третьих, подобные календарные повествовательные тексты производили глубокий эмоциональный эффект на слушателей. Наконец, рассказчиками таких занимательных историй становились пожилые, особо чтимые в данной среде люди.

Повествовательные календарные тексты, бытующие в устном народном творчестве, называют *быличками* и *бывальщинами*. Впервые эти термины были введены в научный обиход братьями-фольклористами Б. М. и Ю. М. Соколовыми еще в начале XX в. [Соколовы, 1999]. Они не различали между собой термины «быличка», «бывальщина» и «досюльщина», фактически приравнивая их к таким жанрам сказочной прозы, как «легенда» и «предание». Однако подобной точки зрения придерживаются не все исследователи.

Н. Е. Ончуков в своей работе «Сказки и сказочники на Севере» замечает, что из числа собранных им сказок все же следует выделять тексты, которые отличаются определенным набором признаков и установкой на достоверность, – тем самым исследователь разграничивает жанр сказки и былички [2006]. Кроме того, ученый разделяет былички и бывальщины по степени обобщенности повествования: по его мнению, бывальщины и досюльщины легко становились легендами, так как не имели «привязки» к определенной местности, тогда как былички распространялись только на конкретной территории.

Э. В. Померанцева считает целесообразным разделение мифологической прозы на «былички» и «бывальщины», которые соотносятся в западном литературоведении с такими понятиями, как «меморат» и «фабулат» [1975].

Мы понимаем *суеверный меморат (быличку)* как ситуацию, когда нарратив относится к личному свидетельству, а нарратор является непосредственным участником описываемых событий. В свою очередь, *суеверный фабулат (бывальщина)* определяется нами как ситуация, когда рассказ обрастает подробностями, вносимыми новыми нарраторами, начинает выполнять развлекательную функцию. Нарратор в данном случае не является участником событий.

Э. В. Померанцева настаивает на том, что прежде чем браться за исследование подобного фольклорного материала, необходимо «учитывать особую атмосферу, в которой только и мыслимо существование быличек» [Там же. С. 20]. Речь идет о целом мире народных суеверий, который очень трудно понять современному человеку. Былички и бывальщины оказывали очень сильное этическое и эстетическое воздействие на слушателей. Люди верили во взаимодействие обитателей реального и потустороннего миров, поэтому зачастую содержание быличек и бывальщин по-настоящему пугало слушателей. Не случайно в своей знаменитой работе «Жанровый состав русского фольклора» В. Я. Пропп пишет, что «в большинстве случаев эти рассказы страшные» [1964. С. 60].

В основу быличек и бывальщин легли коллективные представления славян о том, что их окружают живые существа – «духи», «хозяева», с которыми нужно поддерживать хорошие отношения. За каждым сверхъестественным существом закреплялось место его владения: русалку и водяного можно было встретить возле водоемов, лешего – в лесной чаще, кикимора безобразничала в доме, а банник отвечал за банные процедуры. Кроме того, каждый такой «хозяин» имел определенные функции, поэтому часто рассказы об одном и том же существе приобретали одинаковые черты и схожую развязку. Помимо рассказов о мифологических существах встречались былички о «заложных» покойниках (тех, кто работал на нечистую силу, отчего умер неестественной смертью, или распознавался как ведьма или колдун), а также о чертях и ведьмаках.

Круг персонажей в подобных суеверных рассказах был устойчивым. Каждое сверхъестественное существо имело свой локус, где его власть была практически ничем не ограничена,

и определенную внешнюю атрибутику; кроме того, ему были присущи те или иные способы появления на пути у человека. Ведущим мотивом в быличках и бывальщинах является момент встречи с inferнальным существом или человеком, обладающим сверхъестественными способностями. Как правило, встреча происходит тогда, когда человек соблюдает или, что встречается гораздо чаще, нарушает ту или иную норму взаимоотношения между ним и мифологическим существом. Исход также зависит от выполнения либо от невыполнения должных условий – он может быть трагическим.

Пространственная организация быличек и бывальщин ограничена, замкнута, четко локализована: дом, лес, баня, поле, перекрестки дорог, вода и т. д. Основное действие, как правило, происходит ночью или поздним вечером, крайне редко встречаются рассказы, в которых человек сталкивается со сверхъестественными силами в полдень или рано утром. При встрече с существом из потустороннего мира нарратор практически всегда описывает мрачную обстановку. Например, бывальщина, описывающая встречу с водяным, начинается так: «Она (моя бабка) по речке ходила. Не ночью, а часов так около одиннадцати» [Зиновьев, 1987. С. 49]. В другой бывальщине, повествующей о столкновении человека с русалкой, действие также разворачивается в темное время суток: «Дружинин рассказывал. Он ехал ночью. Там где-то омут был. И на камне сидит русалка» [Там же. С. 50].

Быличку можно считать самостоятельным фольклорным жанром, отличающимся от прочих жанров народной словесности (песни, плача, былины и пр.), так как быличка строится по определенным канонам, обладает собственным стилем и в ее основе лежат распространенные фольклорные мотивы.

Наряду с быличками, приуроченными к уже названным праздникам, существовали и устные рассказы, которые воспроизводились нарраторами в период святок. *Святки* (святые, праздничные дни) – 12 дней между Рождеством и Крещением (с 25 декабря (7 января) по 6 (19 января)). По народным традициям, святки, совпадавшие с празднованием Нового Года, сопровождались гаданиями, пением, переодеванием и т. д. Считалось, что в эти дни активизируется нечистая сила, стремящаяся всячески досадить человеку. Так, в период святок вспоминали о случаях с гадальщицами, о встречах с чертями и бесами и пр.

Со временем разрыв между деревенской и городской жизнью становился все значительнее: забывался фольклор, вместе с ним из памяти горожан стирались произведения календарной словесности. В столице по праздникам еще продолжали устраивать массовые гуляния, но они больше не имели обрядового смысла.

Наконец, в начале XIX в. периодическая печать снова предпринимает попытки возродить интерес к календарной словесности. В период активного роста демократической литературы (1820-е гг.) жанр *литературного святочного рассказа* окончательно завершает свое становление.

Н. С. Лесков в рассказе «Жемчужное ожерелье» так характеризует этот жанр: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хотя бы в роде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело» (Лесков, 1958. С. 433).

Оформление жанра литературного святочного рассказа нельзя не связать с *русским романтизмом*, который, как известно, питал интерес к национальным мифам, тяготел к своим историческим корням и обычаям. Писателей-романтиков привлекали таинственная атмосфера, присущая святочным рассказам, противостояние человека inferнальным силам, попадание простого обывателя в нестандартные ситуации, где герой мог проявить удаль и храбрость. Стремясь увеличить контраст с обыденной реальностью, писатели-романтики нередко разворачивали действие в глухих лесах, рядом с водоемами и кладбищами, на распутьях дорог и пыльных чердаках. Зачастую важнейшим символическим и сюжетным эпизодом в произведениях писателей-романтиков становится сон (А. А. Бестужев-Марлинский «Страшное гадание», А. Д. Улыбышев «Сон», В. Ф. Одоевский «Сильфида» и др.).

Благодатный материал для исследования представляет собой святочная проза таких писателей-романтиков, как М. П. Погодин (1800–1875), А. А. Бестужев-Марлинский (1797–1837) и А. А. Шаховской (1777–1846). Выявим те черты, которые были заимствованы писателями из фольклора, а также особенности, присущие собственно литературному жанру святочного рассказа. Для удобства параметры, позволяющие разграничить черты устного и литературного святочного рассказа, сведены в одну таблицу.

Черты, присущие устному святочному рассказу	Черты, присущие литературному жанру святочного рассказа
Календарная приуроченность	Удлинение сюжета, воспроизведение «святочной беседы»
Утрата бдительности и встреча с нечистой силой вследствие нарушения определенных норм поведения	Описание бытовых или этнографических подробностей. Появляется познавательная функция
Наличие помощника, спасителя, советчика	Ориентация на психологическую прозу – подробное описание персонажа и его мотивов, обоснование тех или иных поступков
«Чужое» пространство, «опасные» неосвященные места (овины, бани и т. д.)	Введение пространной экспозиции для создания нужной «атмосферы»
Присутствие в тексте обрядов, примет, гаданий и пр.	Реальное объяснение сверхъестественных событий
Верификация, установка на достоверность (нарратор и слушатели не сомневались, что события, о которых велся рассказ, происходили на самом деле)	Благополучный исход

1. М. П. Погодин. «Суженый» (1828).

От *устного святочного рассказа* в произведении сохранилось следующее: календарная приуроченность (действие разворачивается во время Святков); помощник (няня главной героини – Дуни рассказывает герою – Ивану о намерении девушки ночью гадать в бане); «чужое» пространство, где разворачивается кульминация рассказа (баня).

В рассказе также присутствуют черты *литературного святочного рассказа*. Наблюдается удлинение сюжета, завязке предшествует пространная экспозиция, состоящая из подробного описания детства и юности героя. Прослеживаются черты психологизма, автор указывает на некоторые черты характера героя, за счет чего его образ индивидуализируется: «Наконец, он любил и погулять подчас с товарищами: никто не был забавнее его на пирушках, когда, бывало, начнет он точить балы или представлять разных покупателей, перецыганивать старых приказчиков, играть комедию; до театра он был страшный охотник и никогда не пропускал бенефисов, о достоинстве которых судил он обыкновенно с своими товарищами по длине афишек» (Погодин, 1984. С. 216).

Подробно описана святочная атмосфера, царившая во время гаданий молодых девушек и юношей, названы различные предметы, необходимые для святочных гаданий. «Там перед окошком в предбаннике, против двери, дрожа от страха и вместо молитвы произнося шепотом, по наставлению старухи, какие-то чародейные, непонятные для нее самой слова,

от которых у ней волосы становились дыбом, зажгла она лучину, придвинула стол углом к стене, накрыла чистою скатертью наизнанку, поставила, крест-накрест ножами, два прибора и три кушанья странным образом изготовленные: пирог, посыпанный золою, с икрою и петушиными гребешками, щи на хлебном вине из горьких кореньев, с рыбою, кашу из гусиных печенок с уксуом и деревянным маслом, – обошла кругом стола три раза, нашептывая те же слова <...> потом поставила зеркало в углу между приборами... села перед ним <...> и громким голосом <...> произнесла ужасные слова: суженый, ряженный, приди со мной ужинать!» (Там же. С. 233).

Отметим благополучную развязку рассказа: все мистические события получают логическое объяснение (суженый оказался реальным человеком, ситуация гадания была им подстроена, влюбленные получили согласие на брак).

2. А. А. Бестужев-Марлинский. «Страшное гадание» (1831).

В данном рассказе можно выделить множество черт, заимствованных писателем из *фольклора*. Во-первых, действие разворачивается в канун Нового Года, все «мистические» события происходят в неосвященных местах (кладбище, прорубь). Во-вторых, в рассказе можно вычленить особенности, присущие суеверному фабулату (в частности, наблюдается безграничная вера рассказчика, в данном случае ямщика, в то, о чем он повествует): «Здесь мой дядя видел русалку: слышь ты, сидит на суку, да и покачивается, а сама волосы чешет, косица такая, что страсть; а собой такая смазливая – загляденье, да и только. И вся нагая, как моя ладонь. А кум Тимоша Кулак понесешь повстречал тут оборотня; слышишь ты, скинулся он свиньей, да то и знай мечется под ноги!» (Бестужев, 1958. С. 424).

Неприятности преследуют главного героя из-за утраты им должной бдительности. Так, например, он согласился гадать на кладбище в «опасное» для человека время активизации нечистой силы. Герой заводит знакомство с человеком, по всем описаниям походящего на черта, нечистого, который знает о сокровенных тайнах и желаниях героя: «– Бес ты или человек?! – яростно вскричал я, схватив незнакомца за ворот. Но он оторвал прочь руку мою, будто маковку репейника, и оттолкнул, как семилетнего ребенка. – Вы проиграете со мной в эту игру, – сказал он хладнокровно, однако ж решительно. – Угрозы для меня монета, которой я не знаю цены; да и к чему все это?» (Там же. С. 446). Нового товарища главного героя пугают сакральные слова, которые тот произносит в момент смертельной опасности: «– Скорей, ради бога, скорей! – вскричал я проводнику, укоротившему бег своего иноходца. Он вздрогнул и сердито отвечал мне: – Это имя, сударь, надобно бы вам было вспомнить ранее или совсем не упоминать его» (Там же. С. 453).

Кроме того, в рассказе упоминаются народные приметы и поверья: «– Тем лучше, братец! Коли есть примета, выехать не долга песня; садись и дуй в хвост и в гриву!» (Там же. С. 424).

Литературный жанр святочного рассказа в произведении А. А. Бестужева-Марлинского реализуется в нескольких чертах, например, наблюдается удлинение сюжета, введение пространной экспозиции, психологизм. Действие начинается с рассказа о влюбленности героя в замужнюю даму Полину, о его стремлении увидеть ее. «...Я был тогда влюблен, влюблен до безумия. О, как обманывались те, которые, глядя на мою насмешливую улыбку, на мои рассеянные взоры, на мою небрежность речей в кругу красавиц, считали меня равнодушным и хладнокровным. Не ведали они, что глубокие чувства редко проявляются именно потому, что они глубоки; но если б они могли заглянуть в мою душу и, увидя, понять ее, – они бы ужаснулись!» (Там же. С. 419). Чтобы провести хотя бы еще один вечер с возлюбленной, герой пускается в опасное путешествие, в ходе которого долгое время блуждает вместе с ямщиком по лесу, слушает его мистические байки о русалках и оборотнях.

В рассказе представлено подробное бытовое описание гаданий, одежды гадающих и святочных ритуалов. «Молодцы в пестрядинных или ситцевых рубашках с косыми галунными воротками и в суконных кафтанах увивались около или, собравшись в кучки, пересмехались, щелкали орешки, и один из самых любезных, сдвинув набекрень шапку, брэнчал на балалайке “Из-под дубу, из-под вязу”» (Там же. С. 429). «Гаданья на Новый год пошли обычной своей

чередую. Петух, пущенный в круг, по обводу которого насыпаны были именные кучки овса и ячменя с зарытыми в них кольцами, удостоив из которой-нибудь клюнуть, возвещал неминуемую свадьбу для гадателя или загадчицы...» (Там же. С. 429).

Исход рассказанной истории благоприятный – все страшное оказывается сном. Напомним, что сон является излюбленным приемом романтиков, часто применяющимся ими для разрешения конфликта в развязке произведения.

3. А. А. Шаховской. «Нечаянная свадьба» (1839).

От *устного святочного рассказа* в произведении остаются: календарная приуроченность (основное действие разворачивается на Святках), «чужое» пространство (кладовая, где гадала героиня), установка на достоверность (в рассказе дается указание на то, что главный герой, Владимир Львович Ш...в, якобы приходится прадедом абстрактному автору).

Кроме того, генерал, изначально противившийся свадьбе героев, в конце концов оказывается их помощником: «Так же, сударыня! Вот наш зять, люби его и жалуй» (Шаховской, 1991. С. 189).

Черты *литературного святочного рассказа* в произведении А. А. Шаховского проявляются в удлинении сюжета (повествование начинается с подробного описания военной службы героя), психологизме («Дед матери моей Владимир Львович Ш...в был, судя по репликациям его генерала и тестя, отличным офицером, по словам моей бабушки, а его дочери, чадолюбивым отцом, по рассказам старинного его слуги, добрым господином, а по портрету, списанному с него каким-то славным италиянцем, прекрасным мужчиною» (Там же. С. 180).

В тексте встречаются занимательные описания гаданий: «Спросили у прохожего, как его зовут. Судьба или шутка, а может быть, и самая главная загадчица заставили какого-то бежавшего мальчугана назваться Владимиром. Все сенные девушки засмеялись, и сама барышня улыбнулась. А как она вышла уже первый раз, то ничего не стоило ей остановиться и послушать у людского окошка, чье имя там вымолвят: и там опять услышала: “Эх, брат, иди, куда велит, или я пожалуюсь Владимиру Львовичу”. При том имени слушательница отскочила от окна и возвратилась тихомолком в свою комнату» (Там же. С. 185).

В развязке объясняются все встречающиеся в рассказе «загадочные места». По счастливому стечению обстоятельств суженым оказывается главный герой, чье заветное желание жениться на героине вскоре исполняется.

Таким образом, мы смогли убедиться, что связь прозы русских романтиков первой трети XIX в. с фольклором не подлежит сомнению. В дальнейшем к святочным текстам этого периода присоединится так называемая «маскарадная» повесть (Е. А. Баратынский «Перстень», Н. Ф. Павлов «Маскарад», А. А. Бестужев-Марлинский «Испытание») с присущей ей светской интригой и святочными сюжетными ходами, которые будут разворачиваться на бале-маскараде, а позже к подобным текстам прибавится фантастическая повесть (В. Ф. Одоевский «Сильфида», «Новый Год», М. Ю. Лермонтов «Штосс» и т. д.).

Список литературы

Васильев В. К. Типология жанров народной прозы. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1987. 106 с.

Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: СПбГУ, 1995. 258 с.

Зиновьев В. П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.

Ончуков Н. Е. Сказки и сказочники на Севере: В 2 т. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 476 с.

Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 200 с.

Пропт В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 4. С. 58–77.

Разумова И. А. Сказка и быличка: мифологический персонаж в системе жанра. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 110 с.

Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края / Сост. Б. М. и Ю. М. Соколовы. СПб.: Тропа Троянова, 1999. 800 с.

Список источников

Бестужев А. А. Собр. соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 1. 549 с.

Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 7. 494 с.

Погодин М. П. Повести, драма. М.: Советская Россия, 1984. 432 с.

Шаховской А. А. Нечаянная свадьба / Сост. Е. Дмитриева, С. Сапожков. М.: Дет. лит., 1991. С. 180–191.

Материал поступил в редколлегию 13.05.2016

L. N. Sinyakova, Y. O. Kozlova (Chvanova)

Novosibirsk State University

1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

scholast@ngs.ru; yana-mufka@yandex.ru

FOLKLORE ORIGINS OF RUSSIAN ROMANTIC PROSE (A GENRE OF CHRISTMAS STORY)

Purpose: The following article reviews the relationship between calendar prose and folklore and determines the considerations that are suitable for recognition of the ceremonial and calendar texts (plot, calendar denotation, an emotional element, target audience, narrator). The genres of *bylichka* (superstitious *memorat*, or folklore superstitious true story) and *byvalschina* (superstitious *fabulat*, or folklore true story with fiction elements) are determined with the following differentiation. The specifics of narrative calendar texts' existence are found. The article researches the process of establishment and further modifications of the Christmas story's genre.

Results: Appearance of the literature Christmas story's genre is linked to the Russian romanticism which addresses one's historical roots and traditions and is interested in the Slavic mythology, especially in demonology. Russian romanticists often used such material; there are features of both spoken and literature genres of the Christmas story. The article described considerations which help to differentiate spoken and literature genres of the Christmas story.

Conclusion: As exemplified in stories of A. A. Bestuzhev-Marlinskiy (*The Fearsome Divination*), M. P. Pogodin (*Mr Right*), A. A. Shahovskoy (*The Adventitious Wedding*) which were written during the first third of the XIX century, is found out the relation among the Russian romanticism and folklore and are contained numerous quotations from selected writings illustrating current point of view. For instance, there are features borrowed from spoken calendar prose in the actual writings: 'strange' space, a strict demand of vividness the describing events, limited relatively plots' range, calendar denotation. Furthermore, we can't fail to see that there are characteristics in these stories that are belong to the literature genre of the Christmas story. There is elongation of plot, existence of extensive discourses, psychologism, detailed description of folk ceremonies, things required for divination, the places where were organized the Christmas merrymaking. Fantastic character of the describing events further intensifies the atmosphere of occult and mystery, but objective 'wordly' explanation of all supernatural incidents is given in conclusion.

Keywords: bylichka, byvalschina, the Russian romanticism, folklore, the Christmas story.

References

Vasiliev V. K. Tipologiya zhanrov narodnoi prozy [Typology of genres of the national prose]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University, 1976, 106 p. (In Russ.)

Dushechkina E. V. Russkii svyatochnyi rasskaz: stanovlenie zhanra [The Russian Christmas story: establishment of genre]. St.-Petersburg, SPbSU, 1995, 258 p. (In Russ.)

Zinoviev V. P. Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri [Mythological stories of the Russian population of East Siberia]. V. P. Zinoviev (ed.). Novosibirsk, Nauka, 1987, 400 p. (In Russ.)

Onchukov N. E. Skazki i skazochniki na Severe [Tales and storytellers in the North]: in 2 vol. St.-Petersburg, Tropa Troyanova, 2006, 476 p. (In Russ.)

Pomeranceva E. V. Mifologicheskie personazhi v russkom folklоре [Mythological characters in the Russian folklore]. Moscow, Nauka, 1975, 200 p. (In Russ.)

Propp V. Y. Zhanrovyyi sostav russkogo folklora [The genre structure of the Russian folklore]. Russkaya literatura, 1964, no. 4, p. 58–77. (In Russ.)

Razumova I. A. Skazka i bylichka: Mifologicheskii personazh v sisteme zhanra [Tale and bylichka: mythological character within the genre's system]. Petrozavodsk, Karelskiy nauchnyi centr RAN, 1993, 110 p. (In Russ.)

Sokolovy B. M. & Y. M. Skazki i pesni Belozerskogo kraja [Tales and songs of Belozerskiy region]. B. M. & Y. M. Sokolovy (eds.). St.-Petersburg, Tropa Troyanova, 1999, 800 p. (In Russ.)

Sources

Bestuzhev A. A. Sobr. soch. [Collect. edit.]: In 2 vol. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1958, vol. 1, 549 p. (In Russ.)

Leskov N. S. Sobr. soch. [Collect. edit.]: In 11 vol. Moscow, GIHL, 1958, vol. 7, 494 p. (In Russ.)

Pogodin M. P. Povesti, drama [Stories, drama]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1984, 432 p. (In Russ.)

Shakovskoi A. A. Nechayannaya svadba [The adventitious wedding]. E. Dmitrieva, S. Sapozhkov (eds.). Moscow, Detskaya literatura, 1991, p. 180–191. (In Russ.)